

Александр Алексеевич Богданов

Первая встреча

Александр Алексеевич Богданов

Первая встреча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4677114

Аннотация

«Гениальность проста. Соединение простоты с гениальностью составляло – это признано всеми – основную черту в личности Ильича. На первый взгляд он не выделялся как будто ничем особенным, не поражал внешне. Но есть такие глубокие колодцы, в которых даже днем видны звезды. Таков был Ильич. От его наружности запечатлелись вспыхивающие синие огоньки в уголках глаз. Как будто изнутри в пламенном горне сердца рождались огни, из глубин высекались искры...»

**Александр
Алексеевич Богданов**
Первая встреча
(Из воспоминаний о тов.

*Ленине. Тов. Ленин на
Таммерфорсской конференции)*

Гениальность проста. Соединение простоты с гениальностью составляло – это признано всеми – основную черту в личности Ильича. На первый взгляд он не выделялся как будто ничем особенным, не поражал внешне. Но есть такие глубокие колодцы, в которых даже днем видны звезды. Таков был Ильич. От его наружности запечатлелись вспыхивающие синие огоньки в уголках глаз. Как будто изнутри в пламенном горне сердца рождались огни, из глубин высекались искры. Искры творческой работы. Мне как-то впоследствии пришлось видеть на картине изображение одного гениального музыканта в момент творчества. Художник пытался выразить мощь гения именно в огоньках глаз. И невольно пришли на память глаза Ильича.

Еще запечатлелась от прошлого напряженная стремительность фигуры Ильича во время некоторых речей, словно он собирал каждый свой мускул для удара. Таким хотят дать Ильича скульпторы в памятниках.

До встречи с Ильичем я уже много слышал о нем от его близких товарищей – Алексея Павловича Скляренко и Вадима Андреевича Ионова. Современная молодежь едва ли знает эти имена. Скляренко – старый большевик, талантливая, многосторонняя натура, ясный ум, чуткий товарищ, самый одаренный из группы самарцев, выдвинувших в свое время ряд известных в литературе имен. В тисках царизма громадное дарование Скляренко не могло развернуться. Искалеченный скитаниями по тюрьмам, ссылкам и этапам, он умер, далеко не дав того, что мог бы дать. Ионов – один из видных сотрудников первых марксистских журналов, умерший в 1902 году.

Скляренко много и с любовью рассказывал о самарском периоде жизни Ильича, о его замечательных организаторских способностях, о том влиянии, какое оказывал Ильич на всех своих молодых товарищей.

Ионов рисовал Ильича как одного из самых выдающихся ученых. Ильич тогда находился в ссылке в Сибири. Его имя еще не приобрело широкой известности, но в тесных революционных кружках, в редакции марксистского журнала «Жизнь» о нем уже говорили, его знали, и от него многого ожидали.

Потом в партийной работе с 1902 по 1905 год Ильич стал для меня и для многих из нас политическим руководителем.

Под влиянием его статей и книг: «Что делать?» и др. складывалось мировоззрение всех, кто революционно работал среди пролетариата.

Впервые я встретился с Ильичем на общероссийской социал-демократической конференции в г. Таммерфорсе в ноябре 1926 года. Об этой конференции, кажется, не опубликовано, кроме резолюции, никаких материалов. Вот почему считаю необходимым остановиться подробнее и на описании самой конференции.

Таммерфорс – небольшой городок Финляндии. В те годы так называемая «свободная Финляндия» была наводнена шпионами и сыщиками царской охранки. Но Таммерфорс лежал в глубине лесов и озер, был удален от административных центров, и потому здесь после бурного 1905 года еще удавалось устраивать нелегальные съезды различных организаций.

Городок на европейский лад, маленький, живописный, с чистыми мощеными улицами, с красивыми постройками в немецком или шведском вкусе, похожий на вырванный кусочек из столичного центра, но уж никак не на наши уездные грязные города с унылыми одноэтажными похилившимися домишками.

Собрания происходили с соблюдением строгих мер предосторожности. Помещение для конференции было вы-

хлопотано благодаря содействию гражданина Лое, редактора местной рабочей газеты. К нему же была дана приезжающим товарищам и явка.

В конференция участвовало тридцать два человека с решающим голосом, из них восемнадцать меньшевиков и четырнадцать большевиков, представителей областей Поволжья, Северного Кавказа, Донецкого бассейна, промышленного и других районов, а также Польши и Литвы. Я был представителем Поволжья.

Работали с утра до ночи. В промежутки между заседаниями устраивали фракционные совещания. Ильич намечал руководящую линию большевистской фракции, вносил резолюции, кажется им же было написано и «особое мнение» большевиков по поводу принятого конференцией постановления о выборах в Государственную думу.

Главное расхождение между большевиками и меньшевиками было в вопросе о соглашении с либеральной буржуазией при выборах в Государственную думу. Признать соглашение с буржуазией – это значило изменять революционной тактике 1905 года, начать мирно-законодательскую работу в Думе, отказаться от руководящей роли рабочего класса, признать главенство буржуазии, отказаться от руководства крестьянским движением. На этот путь тащили меньшевики, выявляя этим уже тогда свое предательское лицо.

Наоборот, большевики, с Ильичем в. главе, признавали полную непригодность Думы в осуществлении требований

рабочих и крестьянства. Ильич говорил и писал: «Мы, социал-демократы, воспользуемся выборами, чтобы сказать крестьянской массе и всем друзьям крестьянства: крестьяне только тогда смогут добиться земли и воли, если они будут действовать не ходатайствами, а борьбой, если они будут верить не царю и не посулам либеральных буржуа, а верить, в силу дружной борьбы, рука об руку с рабочим классом»¹.

Два дня продолжались прения по этому вопросу. Горячие бои шли также и по другим вопросам, например, о рабочем съезде, созывом которого меньшевики хотели растворить в беспартийной массе революционную подпольную партию, иначе говоря, уничтожить ее.

Для защиты своих позиций меньшевики выставили лучших ораторов, которые у них имелись: Абрамович, Мартов. Хорошим оратором считался Мартов. Его речь производила впечатление рассыпающейся ракеты, пересыпанной блестками остроумия.

Как резерв – уже по вопросу о «рабочем съезде» – выступил старый Аксельрод, производивший своей наружностью впечатление бурного льва.

Но холодно и неубеждающе звучали мастерские речи Абрамовича. Гасли, как мотыльки у костра, и бесследно пропадали где-то блески речей Мартова.

Бессильно бурлил, пламенно-стремительный Аксельрод. И речь Ильича оставила во мне самое глубокое впечатление.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, том 11, стр. 272. (Прим. ред.)

В чем же секрет действия этой речи?

Вскоре я понял. Про Маркса было кем-то сказано, что он вбивает свои мысли в голову читателя двутесными гвоздями. Так же и Ильич. Он двутесными, не знаю, может быть, и трехтесными гвоздями вбивал в голову просто, последовательно, логично, одно положение за другим. Ничего недосказанного, ничего неясного. До осязаемости четкая линия, зоркий орлиный взгляд не только в настоящее, но и в будущее, взгляд, подводящий итоги прошлого, А главное, Ильич в своей речи вскрыл и осветил то основное, что сразу давало осознать самое существо нашей работы. Словно кто сверху сильным прожектором осветил путь. Руководящая роль пролетариата, союз с крестьянством в революционной борьбе – вот главное, а все остальное – это лучи, расходящиеся от центра.

Получалось такое ощущение, что в голове сразу стали причесаны все мысли. И сделались понятными все остальные второстепенные вопросы, из-за которых ломались копья: почему нужна партия, а не широкий рабочий съезд, почему профсоюзы должны строиться около партии и т. д.

Эту особенность убеждающих речей Ильича я чувствовал и впоследствии не один раз на протяжении ряда лет.

Не только в речах, но даже в вопросах или в отдельных, как бы вскользь брошенных замечаниях Ильич учил и заставлял помимо воли обращать внимание на то, что иначе ускользнуло бы из глаз. Сухие статистические цифры ожи-

вали, когда он спрашивал о чем-нибудь собеседника или говорил сам. Помню такой случай. Кажется, т. Сергеев докладывал на Таммерфорсской конференции о росте организации в Луганске. Ильич, радостно принимавший это сообщение, особенно подчеркивал, что Луганск – район рабочих, что большевизм укрепляется именно среди рабочих, тогда как меньшевики имеют свою базу главным образом среди мелкобуржуазных элементов.

Во время одного из заседаний меньшевик Жордания рассказывал об успехе меньшевиков на Северном Кавказе. Горячий, экспансивный, как все кавказцы, Жордания увлекся и в пылу наговорил кое-чего лишнего. У них-де на Кавказе такое сильное стремление в партию, такая популярность меньшевиков, что отбою нет от желающих. «Даже буржуи вот такой толщины, – он показал руками, – в дверь не пролезут, а стараются пролезть в партию».

Ильич поймал пылкого кавказца на этих словах и остроумно язвил насчет меньшевистских широких дверей, куда охотно лезут буржуи. Большевизм на Кавказе силен потому, что там преобладает мелкая буржуазия.

Никто, как Ильич, не уделял столько времени работникам на местах. С чрезвычайным вниманием расспрашивал он нас, интересовался каждой мелочью не только из жизни организации, но и вообще из быта революционеров.

Помню, как во время Гельсингфорской конференции в 1907 году рассказы тов. Назара (Н. Н. Накорякова) о револю-

ционных днях на Урале приводили его прямо в восторг, и он несколько раз повторил, что хорошо бы побывать на Урале.

Особенно интересовался он революционным движением среди крестьянства, в частности в Поволжских губерниях, откуда я приехал. Участием крестьянства в революционной борьбе Ильич придавал громаднейшее значение. В вопросе о крестьянстве большевики сильно расходились с меньшевиками. В таком крупном районе крестьянского движения, как Самарская губерния, работу среди крестьянства вели исключительно большевики.

В 1906 году в г. Самаре нами летом было устроено партийное поволжское совещание по аграрному вопросу, а также совещание крестьян, рабочих и беднейших самарских мещан. И не случайность, что Самарская большевистская группа аграрников, работающих в деревне и участников совещания, представляла из себя одновременно и нашу партийную боевую дружину. Вооружение крестьянства, подготовка его к организованной борьбе входили в большевистский план.

Я рассказывал обо всем этом Ильичу. Должен признаться, что Ильич по-товарищески, но строго пожурил меня за то, что мы мало корреспондируем о своей работе.

– Нельзя так, товарищи, – осведомляйте центр!

Вина за нами действительно была.

Информируя о работе на местах, я, между прочим, сообщил, что самарская организация приступает к изданию местной газеты, и просил Ильича, чтоб центр помог нам своим

участием в работе.

Газета называлась «Самарская Лука». Теперь из архивных данных стало известно, что в газету «Самарская Лука» Ильичем была написана, но задержана охранкой статья.

Я состоял в редакционной коллегии, и после Таммерфорсской конференции весь литературный материал проходил через меня. Могу засвидетельствовать, что редакция за этот период совершенно не имела сведений о посылке Ильичем каких-либо материалов в нашу газету. Но мы получили несколько статей Марка Тимофеевича Елизарова (мужа сестры Ильича – Анны Ильиничны), имевшего к газете самое близкое отношение. (Подробнее о «Самарской Луке» мною написано в журнале «Пролетарская революция», 1925 г., июль.)

Несколько слов об Ильиче, как о товарище, – об этом писалось много. Ильич к каждому из нас подходил индивидуально, считался с особенностями. Может быть, это именно и было отчасти связано с его изумительной организаторской способностью. Он умел оценить каждого, указать соответствующее дело, найти место всякому колесику и винтику в большой машине организаций.

Приведу такой случай. В Таммерфорсе мы были разбиты на группы, некоторые жили по двое и по трое в частных квартирах у финских граждан. Вместе поселились трое: тов. Дзержинский, представитель от Польши, Басок – представитель крестьянской Украинской Спілкі и я. Дзержинский то-

гда был еще совсем молод: худой, стройный, как будто сосредоточенно замкнутый в себе. Меня трогала необычайная кристальная, почти детская, его чистота, словно все его существо было заключено в горный хрусталь... Мне порой даже казалось, что в его глазах было нечто нежно-лирическое. «Красная девица» – раз в шутку называли его.

Но с этой кристальной чистотой и мягкостью соединялась решительная преданность и самоотверженность делу революции. Ильич очень любил Дзержинского. Впоследствии я понял, почему именно его, этого идеально-чистого человека, он выдвинул на такой ответственный пост, как Чека.

Иным было отношение Ильича к Баску. Последний – довольно-таки непривлекательная личность с неопределенными взглядами, как вообще неопределенна была и организация Спілька, пославшая его. И надо сказать, что впоследствии, после дней Октябрьской революции, Басок, судя по газетам, оказался в рядах петлюровцев.

Ильич как товарищ подходил к нам с большой заботливостью, вплоть до мелочей. Перед отъездом из Таммерфорса он давал советы и указания – как ехать, где сделать остановку. Также было и на Гельсингфорсской конференции 1907 года. Мы должны были сделать остановку на станции Териоки, а оттуда в разное время – не больше, чем по двое, – двигаться в Петербург. Предосторожности эти были необходимы, потому что охранка выслеживала нас. После Гельсингфорсской конференции двое из участников ее, депутаты Ду-

мы Чхеидзе и Полетаев, были задержаны на Финляндском вокзале, а меня арестовали на бывшем Николаевском вокзале.

В Таммерфорсе, в одну из свободных минут, Ильич выбрал время, чтобы прослушать несколько моих революционных стихотворений. Это было после одного из фракционных совещаний. Вместе с Ильичем был еще мой однофамилец – экономист А. А. Богданов (настоящая фамилия Малиновский). Оба сидели на столе, – я декламировал стоя. В общем, Ильич одобрительно отнесся к стихам, но расценивал их исключительно со стороны содержания и идеологической правильности. Между прочим, мною было прочитано одно из старых юношеских стихотворений, где говорилось, что революционный боец не имеет права на личное счастье. Вот выдержки из стихотворения:

Нежной любви искрометный бокал
Жизнь поднесла мне в минуту отградную,
Помню, дрожащей рукой его взял,
Думал упиться с беспечностью жадною.
Но... на прозрачном запененном дне
Слезы... лишь слезы почудились мне...
Мне показалась любовь преступленьем,
Тысячи стонов услышал я вдруг,
Заколыхались скорбные тени...
Выпал бокал из затрясшихся рук,
Выпал, разбился. Нежданная сила

Светлую сказку любви омрачила.

.....

Как? В этот час, когда гибнут кругом.

Думать о собственном счастье своем?

И т. д.

Ильич нашел, что в стихотворении звучат старые интеллигентские перепевы, отрывка народничества, нет марксистского подхода к жизни. Его поддерживал Александр Александрович Малиновский.

Я в свое оправдание заметил, что в начале 90-х годов я действительно увлекался народничеством. Ильич улыбнулся.

– Ну вот, значит, я прав. Марксизм не отрицает, а, наоборот, утверждает здоровую радость жизни, даваемую природой, любовью и т. д.

Ильич очень любил природу. По окончании конференции мы устроили товарищескую прогулку за город Таммерфорс к озеру. Стоял ноябрь, но озеро еще не замерзло. Вдали над водой – белокурые волнистые гряды тумана. Около берега компания финской молодежи каталась на лодке и пела однотонные, как сумрачный север, финские песни. Девушки в национальных цветных костюмах – голубое с белым.

На берегу – скала. Старая сосна с изогнутым красно-бурым стволом и обнаженными корнями низко свесилась с обрыва скалы над водой.

И мы, как дети, поочередно взбегали на скалу... Отдыха-

ли, слушая песни...

1928